

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

СТР.14-17

ПОЭТ

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

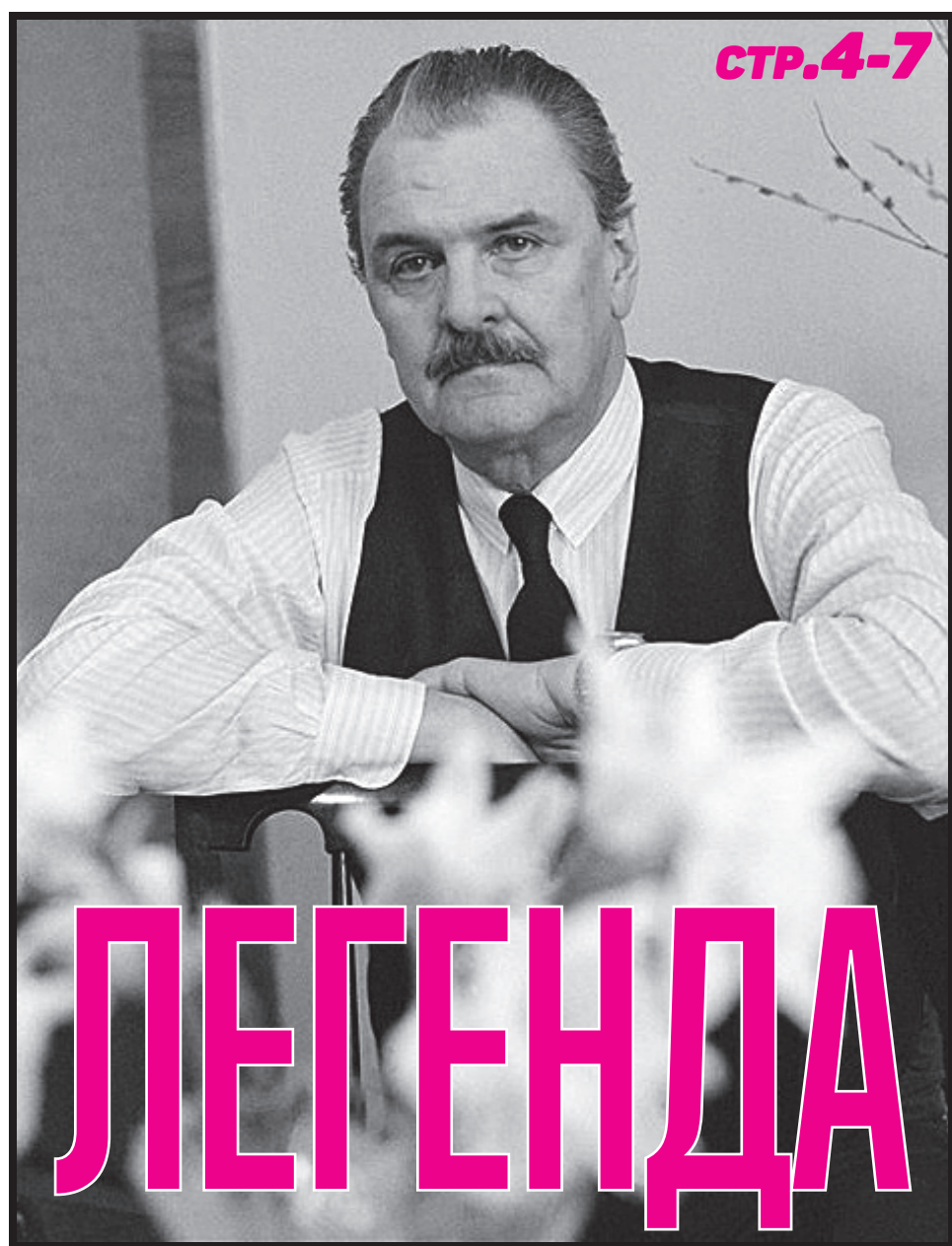
№48 (286)
НОЯБРЬ 2025

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

СТР.8-11

НЕ ЖЕЛАТЬ НИКОМУ ЗЛА

СТР.4-7

ЛЕГЕНДА

ПОЭТ

«Поэт» и «поэт-песенник» - в массовом сознании эти понятия обычно разделяются. Те, кто пишет стихи для песен, автоматически попадают в число несерьезных авторов.

Симон Осиашвили, который написал когда-то строки, врезавшиеся в память поколений: «Не сыпь мне соль на рану, не говори навзрыд», или «За милых дам, за милых дам - мой первый тост и тут и там», или «Бабушки, бабушки, бабушки-старушки», или «Дорогие мои старики, дайте я вас сейчас расцелую», согласен с мнением публики. Большая поэзия есть большая поэзия, а стихи для песен и поэзией как будто не назовешь.

Но написать рифмованные строки так, чтобы песня становилась шлягером, да еще и долгожителем - для этого нужен особый талант.

Геннадий Норд

- Как ты относишься к тому, что тебя называют «поэт-песенник»?

- Самое главное, что я о себе никогда не говорю, что я поэт, я себя всегда называю стихотворцем. А уж как меня называют другие - это их дело, я совершенно спокойно к этому отношусь. Главное, чтобы то, что я делаю, людям было интересно, востребовано и приносило, в конце концов, мне, кроме морального, еще и какое-то материальное удовлетворение.

- А как ты различаешь поэта и стихотворца?

- То, что я себя называю стихотворцем - это знак моей скромности. Так что если меня будут называть поэтом, я возражать не стану.

- Иногда слушаю или читаю чье-то стихотворение и думаю: «Почему это не я написал»? У тебя такое бывает?

- У меня один раз в жизни такое было. С песней «Городок», которую спела Анжелика Варум на стихи Кирилла Красотшевского. «Ах, как хочется вернуться в городок» - это, я считаю, совершенно гениальный текст. Вот я его не написал, очень жаль.

- А бывает, наоборот, что слушаешь какую-нибудь свою песню, которая давно была написана, и думаешь «Боже, как я мог такое написать»?

- Нет, мне всегда приятно слушать те песни, которые были мной написаны.

Я, наверное, все-таки «испорчен» Литературным институтом, в котором учился. Поэтому песенные тексты, которые я сочиняю, даже если я пишу их на готовую музыку - а я, наверное, больше, чем половину своих известных песен написал на готовую музыку, - так вот, я их стараюсь писать таким образом, чтобы их не стыдно было дать почитать глазами. Поэтому я выпускаю сборники своих стихов и песен.

- Я помню слова из песни другого известного поэта-песенника Бориса Гребенщикова: «Моя работа проста: я смотрю на свет, ко мне приходит мотив, я отбираю слова». У тебя это так же происходит?

- Я обычно пишу на готовую музыку, то есть там уже есть мелодия, либо я сижу дома с гитарой, бренчу, и что-то такое вот сочиняется как бы уже на какую-то рабочую мелодию, которую я чаще всего никому не показываю, а написанный, таким образом, стихотворный текст отдаю своим соавторам.

Хотя много песен, которые я написал для своего личного репертуара, я сочинил уже как автор музыки тоже. Сочинение стихов для песен - это все равно работа, да. Переделываешь, зачеркиваешь, ходишь по комнате, рвешь на себе

волосы - в общем, это труд. Кроме одной песни в моей жизни, текста, вернее, на который вообще не было затрачено никакого труда, никакого времени.

- Какого?

- Мне пришла в голову строчка: «Постарели мои старики», я ее записал, а дальше как будто под диктовку написал от начала до конца стихотворный текст, который стал песней «Дорогие мои старики». Вот это правда, никакого труда, никакого времени. Просто мне это было продиктовано.

- Ты из поколения наших роке-ров. Как-то с ними себя соотносишь или это совершенно другая область?

- Нет, это все-таки другой жанр. Вот Макаревич - мне нравится то, что он пишет.

Так вот - не соотношу. Потому что я все-таки отношусь к жанру, давай скажем, я не стесняюсь этого - поп-музыки, то есть музыки более широкого потребления, и я ничего в этом плохого не вижу. В конце концов, это моя работа, и она мне нравится.

Вообще в моей жизни есть такие замечательные моменты, когда я сижу, что-то сочиняю, или на музыку готовую, или с гитарой, и мне самому начинает нравиться то, что я делаю. Это самые счастливые моменты моей жизни, потому что в это время я не думаю ни о чем. Ни об успехе, который будет или не будет, ни о деньгах, которые мне это принесет или не принесет. Мне просто нравится то, что сейчас, вот только что я выплеснул, это такой кайф, ни с чем не сравнимое ощущение счастья, за которое я небесам благодарен. И если этого долго не случается, то у меня происходит просто... Наверное, у наркоманов это называется ломкой, я не знаю, что-то такое, мне этого не хватает.

- А как разнести поп и рок?

- Честно, я никогда об этом не задумывался, хотя я понимаю, что это разные все-таки грани. Хотя и то и другое - песенная поэзия. Ну, я не знаю... Я не готов ответить на этот вопрос, я просто никогда об этом не задумывался. Я вообще о многих вещах в своей жизни не задумываюсь, у меня еще иногда спрашивают:

- А вот как вам эта пришла в голову строчка, как вот та?

- Я говорю, что никогда этого стараюсь не анализировать, и вспоминаю всегда притчу о бородатом старике...

- Которого спросили, кладет он бороду на одеяло или под одеяло?

- Да-да. Потому что, если об этом задумываться, я думаю, что просто утрачу способность что-то сочинять, а этого не хотелось бы.

- Бывали в твоей работе случаи, когда на один и тот же текст накладывали музыку разные композиторы?

- Я стараюсь, чтобы этого не происходило, потому что я считаю это некой

С Вячеславом Добрыниным

С Ефимом Шифриным

непорядочностью. Если я соединяюсь с каким-то соавтором по музыке, и у нас получается общая работа, мы пытаемся, чтобы она пришла к людям. Есть некоторые мои коллеги, которые не то чтобы устраивают творческий конкурс. В общем, раздают разным своим соавторам одновременно один и тот же текст. Я не считаю это порядочным.

- Есть же классические случаи, когда разные романсы писали на одни и те же тексты.

- Это другая история. Были опубликованы стихотворные тексты, и разные композиторы заинтересовались и написали. А тут, поскольку это только внутреннее наше дело, я всегда работаю с каким-то автором до конца, и если по прошествии какого-то долгого времени мы понимаем, что это произведение никому не интересно, уже тогда мы разъединяем стихи и музыку.

У меня бывали истории, наоборот, когда я писал на готовую музыку какого-то своего соавтора, а потом оказывалось, что он эту же музыку давал другому моему коллеге, и тот тоже писал. Я считаю, это неэтично.

- Чем классический романс Чайковского, Глинки отличается от современного песенного творчества?

- Романсы чаще всего написаны в размере три четверти. Опять-таки: я никогда об этом не задумывался. Я точно знаю, что я романсов не пишу, хотя некоторые мои песни, например, «Не сыпь мне соль на рану», считают жестоким романсом.

- Жестокий романс в чистом виде!

- Скажу честно, когда я этот текст написал, я считал, что это будет куда более жесткая песня, почти роковая. Но Добрынин ее решил в другом ключе, и оказалось, что, в принципе, он прав.

- Бывают случаи, когда одни и те же песни становятся известными с голосов разных исполнителей.

- Да, конечно. У меня была такая история: я написал текст «Все мы бабы стервы». Показал его Надежде Бабкиной, она уцепилась за него:

- Ой, так интересно, так остро! Попробую!

Через какое-то время она мне звонит:

- Ты знаешь, мы сделали песню, я стала выходить к зрителям и что-то вижу, что как-то они не понимают, что это такое, почему я это пою.

В общем, забирай его назад.

Я тогда отдал текст Игорю Крутому, он написал музыку, которая стала известной песней потом, впоследствии, в исполнении Аллегровой.

Так что исполнение важно. Я вообще исполнителя считаю одним из «родителей» песни, как и автора стихов, и автора музыки. Потому что с исполнением песня может воспарить, а можно ее приземлить и угробить.

Это очень важно: угадать правильного исполнителя. У меня есть несколько таких моментов в жизни, когда я правильно угадал исполнителя. Вернее, не «правильно угадал», а писал, ориентируясь уже на этого исполнителя.

Вот, в частности, когда я писал на готовую музыку текст песни «Мамины глаза», я уже понимал, что это будет петь Тамара Гвердцители. Потому что когда срastается образ, который несет артист, с тем материалом, который он преподносит людям, и если этот материал хороший изначально, и вот это вот сращение происходит, то есть большая надежда на успех.

То же самое было с Алексеем Глызиным, когда он ушел из «Веселых ребят», ему нужен был репертуар. Я понимал, что он должен петь не то, что в «Веселых ребятах», у него все данные совершенно другого лирического героя. Ему были написаны такие песни, как «Зимний сад» и «Ты не ангел» - совпавшие с ним, с его имиджем, и это принесло успех.

Или, скажем, когда Сосо Павлиашвили показал мне музыку в присутствии Ирины Понаровской, которую он хотел, чтобы она спела. И я потом на эту музыку написал текст и показал Ире, она смотрит на меня:

- Слушай, откуда ты знаешь, что испытывают влюбленные женщины? Ты вроде нормальный мужчина.

Я говорю:

- Я действительно нормальный мужчина, я не знаю, что испытывает влюбленная женщина. Но просто я видел,

как ты смотрела на Сосо, когда он играл эту музыку, и запомнил это. И потом, работая с этой мелодией, я думал о тебе, вспоминал тебя в этой ситуации, и написал текст «Ты мой Бог». Вот.

Я считаю, что профессия наша вообще вымирает. Потому что вот есть я, еще несколько моих коллег, может быть, чуть помладше. А дальше уже никого нет и не надо, судя по всему. Мне жаль, что не надо, потому что дальше сочиняют песни... мне даже иногда бывает сложно назвать это песней. Ну, то, что теперь вот, буквально в последние несколько лет выплеснулось в интернет и стало, как оказалось, очень востребованным, по крайней мере, среди какого-то поколения, я не могу это даже песней назвать. Потому что из него, из этого материала, просто ушла душевность. Если этого нет, такая песня точно не останется жить долго. Она поживет какое-то время, пока ротируется или где-то в интернете. А через несколько месяцев ее вытолкнет другая такая же поделка. А через год, два, три вообще никто не вспомнит. Я точно знаю, что большинство песен сегодняшнего дня, которые выпускает молодняк, они не переживут никакого времени.

Так всегда бывает.

- Ну, в общем, это извечная история: когда приходит что-то новое, это сложно воспринимать. Так было, наверно, со времен Орфея.

- Всегда так было, я согласен.

- А кстати, ведь про нас можно сказать, что мы потомки Орфея - он тоже был автором песен. Ты себя чувствуешь сопричастным этому?

- Чувствую не только в том смысле, что я автор песен. Но и исполнитель своих песен, как и Орфей был исполнителем своих песен. Я стал исполнителем в середине девяностых.

Однажды я сочинил песню под гитару, а потом отдал текст Добрынину, он написал свою музыку и сам исполнил. Но меня совершенно не удовлетворяло то, что у него получилось. Я мучился и показывал всем песню в том виде, в каком у меня это было, а потом решил на своем творческом вечере представить ее публике в том виде, как я хотел бы, чтобы она звучала - и увидел, что людям это интересно. Тогда я и решил, что какие-то свои песни буду писать специально для себя. Ну, и исполнять какие-то уже состоявшиеся свои хиты.

И очень интересно изменилась моя жизнь. Если раньше я был домашний затворник, то тут я стал куда более публичен, я стал ездить с выступлениями, я много чего увидел, много с кем познакомился. Я очень рад, что в моей жизни такое окошко открылось.

Вообще в моей жизни было несколько таких моментов, когда она могла пойти по другим развилкам.

- Я знаю, ты ведь программист.

- Да, я окончил Политехнический институт, никаких стихов я не писал, пока однажды не прочитал конкретное стихотворение в повести «Служенье муз не терпит суеты», которую написал Вениамин Смехов, и там были стихи, которые через несколько лет стали знаменитой песней, а тогда они были впервые опубликованы, я даже не знал, кто автор, уже потом узнал, что это Александр Величанский: «Под музыку Вивальди».

- А твою жизнь эти стихи перевернули?

- Да, потому что они сами по себе очень красивые, и потом там ситуация возвращения к предыдущей любви, и в моей жизни такие же обстоятельства были. А мне 24 года уже, и я вдруг начал писать стихи, к чему я отнесся сначала очень несерьезно, ну, вроде у меня уже профессия, жизнь какая-то есть, а тут...

А через несколько месяцев я понял, что без этого жить не могу, и я сложил свои стихи в конверт и отправил их в Литературный институт, хотя мне было очень страшно опять становиться студентом, мне уже к тому времени 25 было. Менять какую-то налаженную, состоявшуюся, понятную мне жизнь во Львове на полную неизвестность и туман в Москве, где я никого не знал, никого у меня не было.

- А родители стихи писали?

Окончание на с. 16

С Тамарой Гвердцители

С Еленой Воробей

С Любовью Успенской

Окончание. Начало на с.15

- Нет. Они на фронте встретились. Мама была военный врач, папа - политрук. И, в общем, поэтов в нашей семье не было.

- В общем, после первого успеха ты решил пойти в литературу?

- Да. Положил свои стихи в конвертик и отправил на творческий конкурс в Литературный институт.

- Неужели сразу поступил?

- Нет. По конкурсу я не прошел в первый раз. Стал узнавать, что и как. И мне сказали, что нужна рекомендация солидного литератора. Я отправил свои стихи Льву Озерову - он возглавлял кафедру переводов в Литературном институте. И еще - поэту Юрию Левитанскому. Озеров написал мне рекомендацию. А Левитанский просто пообещал поговорить обо мне с проректором, который был его другом. И вот со второго раза творческий конкурс я прошел. Наверное, благодаря этим рекомендациям.

- Были какие-то сомнения в том, что все идет как надо?

- Конечно! Мне стало страшно. Страшно бросить свою налаженную львовскую жизнь, где у меня профессия, друзья, дом... Мне уже стукнуло 26 лет, а я еду в полную неизвестность в Москву, где ничего этого нет. Из-за своих сомнений я не спал ночами. И тут вмешался мой папа.

Он сказал:

- Сынок, тебе жизнь дает шанс круто изменить свою судьбу. Ты боишься. Но если этого шага сейчас не сделаешь, ты никогда себе этого не простишь. Не нужно жалеть о том, что сделал, нужно жалеть о том, что мог сделать, но не осмелился. Не бойся совершать поступки.

Эти слова пересилили все мои сомнения. Я поехал в Москву. И тем самым повторил судьбу своего отца.

Он же в Тбилиси учился в финансовом институте. Параллельно подрабатывал - мешки таскал. А чтобы таскать было веселее - пел. Однажды к нему подошел какой-то мужчина:

- Вы очень хорошо поете. Учитесь этому где-то?

Отец говорит:

- Нет, я учусь на бухгалтера.

Мужчина удивился:

- Значит, у вас естественная постановка голоса. Вам обязательно надо учиться вокалу! Вот мой телефон, позвоните.

Он оказался профессором Тбилисской консерватории. Папа позвонил ему и, не зная нот, попал в музыкальное училище. Окончил его, потом консерваторию. И стал певцом.

- Но, тем не менее, ты этот шаг сделал.

- Да. Потом уже, когда я приехал однажды на каникулы во Львов, я случай-

С Анне Вески

С Михаилом Шуфутинским

С Геннадием Нордом

но познакомился в кофейне с парнем, который оказался композитором, учился в консерватории. Он ко мне пристал, давай напишем песню, а я ведь песен не писал тогда, и я ему говорю:

- Да какая песня, у меня высокий жанр, поэзия.

Но мы с ним заприятелились, и он ко мне каждый день:

- Ну, давай напишем, давай напишем.

Я понял, что мне проще что-то написать, чтобы он от меня отстал. Я и написал. А потом через две недели он привел меня во Дворец молодежи во Львове, мы заходим в зал, там 500 человек зрителей сидят. И выходят музыканты и начинают петь песню с моими словами. И 500 человек слушает!

А это 82-й год, между прочим, стадионная поэзия шестидесятых годов давно ведь закончилась. И я думаю: «Ничего себе! Значит, можно, оказывается, написать стихи, которые станут песней, и сразу пятьсот человек их будет слушать».

- В то время стадионный рок еще не начался.

- Вот я и решил, что обязательно буду писать песни. А если бы не было этого эпизода, знакомства с этим львовским композитором, я, может, до сих пор был бы просто стихотворцем.

Или потом ситуация с песней, которую Добрынин сделал так, что мне не понравилось. Тоже, если бы ее не было, я, может, до сих пор просто был бы сочинителем песен.

Но известно же, что если какой-то орган долго не тренируешь, то он как бы атрофируется. Я поймал себя на мысли, что почти уже не могу ничего, кроме песенных текстов, писать. И я стал как-то переживать по этому поводу, хотя вроде бы все нормально, есть профессия, работа востребована. Но я стал вспоминать стихи, которые писал еще до того, как ушел в песенное стихотворчество, и вдруг почему-то опять стали писаться стихи.

- Как ты понимаешь, где песня, а где самостоятельное стихотворение?

- Ну, как? Все может быть песней.

- Шостакович заметки из журнала «Крокодил» перекладывал на музыку.

- Это я понимаю! Но тут же нужны не заметки из журнала, а песня, которую люди будут слушать, хотеть петь. Для меня самое важное, чтобы люди хотели петь мои песни.

- Помнишь свое первое стихотворение?

- Нет, конечно. Оно было написано, судя по всему, в полубредовом состоянии.

- Поэту обязательно находиться в состоянии влюбленности? Любить обязательно для того, чтобы творить?

С Аликой Смеховой

С Ларисой Рубальской

Со Светланой Лазаревой

- Вовсе нет. Впоследствии я уже пришел к ощущению, что для меня самое главное - просто возиться со словами. Это очень интересно. Но в этой возне, естественно, ты весь свой жизненный опыт, все, что с тобой происходило, наверное, как-то преломляешь. А чтобы не что сиюминутное подвигало тебя на сочинительство - так не бывает. Во всяком случае, у меня.

■ - А как ты пробивался с первыми песнями?

- Когда вернулся в Москву, взял справочник членов Союза композиторов, выписал адреса и телефоны тех композиторов, чьи песни мне нравились, и отослал им свои стихи.

■ - А потом?

- Через несколько недель начал я всем этим композиторам звонить. И все они от меня отказались. Отозвался только один - Владимир Мигуля:

- Я почитал ваши стихи. Интересно. Приезжайте, познакомимся.

А у него тогда только вышла знаменитая песня «Трава у дома». Я приехал к нему и вижу: весь письменный стол завален чьими-то стихами. Мигуле

присылали тексты со всего Союза! Как он в этом потоке выудил что-то мое? И это всегда так: способных людей куда больше, чем состоявшихся. Мне просто повезло.

Мигуля говорит:

- У меня есть готовая музыка, напишите на нее стихи.

А я никогда еще не писал стихи на готовую музыку. Но взял кассету и сочинил стихотворные строчки, которые ритми-

С Феликсом Царикати

С Ириной Грибулиной

чески ложились на эту мелодию. Отдал Мигуле. Он вынес вердикт: стихи хорошие, только я на них напишу другую музыку. И эта песня тут же стала всесоюзно известной - «Дни летят», ее исполнила София Ротару.

Мигуля мне после этого говорит:

- Ну, вот, песня получилась. Но ведь та первая мелодия так и осталась без текста.

Я сочинил новые строчки. А Мигуле они опять не понравились. И тогда я положил текст в конверт и отправил Давиду Тухманову. Он написал на эти стихи песню «Старое зеркало». Ее исполнила молодая Ирина Аллегрова. И в 1986-м я получил за нее свой первый диплом на «Песне года».

■ - Что ты скажешь о своей серьезной поэзии?

- Ироничные и печальные одновременно.

■ - Как думаешь, тебе всего хватает как серьезному поэту?

- Знаешь, я страдаю из-за того, что мне не очень часто хочется писать. Очевидно, это связано с возрастом. Гамзатов очень хорошо сказал:

- Когда ты молодой, у тебя есть зубы, но нет мяса. Когда ты уже немолодой, у тебя есть мясо, но нет зубов.

Или Вознесенский тоже хорошо сказал:

- Было нечего надеть, стало некуда носить.

Понимаешь? В молодые годы, когда ничего нет, ты утверждаешься, живешь в кураже. Не обращаешь внимания на сложности. У тебя есть самое главное - желание заниматься тем, чем ты хочешь, и добиться в этом признания. А потом тебе приходится доказывать, что ты не случайный человек. Но с возрастом все становится менее и менее радостно...

С Вячеславом Малежиком

С Андреем Державиным